

Юность — это в первую очередь друзья. Витя, Слава, Саша... Они живы, мы по-прежнему дружны, значит, юность еще не ушла насовсем. Но есть друзья, которых уже нет. И без них твоя нынешняя юность ущербна.

В юности мы не просто жили, мы играли жизнью. Играли, в том числе, и на сцене университета. А еще в Уфе, Архангельске, Петрозаводске... «Шизовали» — так было принято говорить тогда, в 70-е. Мы были не «Брига-а-да!», а «Агитбрига-а-да!» Странное название. За что мы агитировали? Сегодня я думаю, что за юность...

Со Славой, Славой Новиковым, уже в середине 80-х мы решили поиграть в Ильфа и Петрова — стали пописывать вместе. Конечно, можно было бы поиграть и в братьев Гримм, братьев Стругацких или, скажем, братьев Вайнеров. Но у меня есть настоящий, не литературный, родной брат-двойняшка — Александр Потимков. И младший брат Стефан.

Слава Новиков стал моим братом по перу и по пиру. Пировали мы недолго. Он уехал в Нью-Йорк — работать переводчиком-синхронистом ООН. А рассказы... Что рассказы? Они стали документальным подтверждением тому, что мы с Вячеславом Анатольевичем соображали на двоих. Соображать — это значит соотносить свои образы с образами друзей юности.

РАССКАЗЫ В ЧЕТЫРЕ РУКИ

СБОРНИК УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Авторы данного пособия надеются, что оно поможет широким читательским массам преодолеть пропасть, разделяющую их от писателей.

Упражнения рекомендуются выполнять сидя.

1. Повторите 33 раза: «Вначале было Слово».
2. Подумайте, что за слово это могло быть. Запишите его, предварительно проверив значение по словарю.
3. Прочитайте роман Л. Толстого «Война и мир», обращая внимание на чередование а-о в корнях лаг-лог, кас-кос, плав-плов, мак-мок.
4. Выпишите из романа все эпитеты за исключением: Безухов, Ростова, Болконский.
5. Возьмите роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание». По названию попробуйте догадаться, о чем там могла идти речь. Запишите появившиеся мысли. Сравните ваш вариант с оригиналом. Существенные различия, если таковые имеются, говорят о вашей самобытности.

Вы готовы к написанию короткой литературной формы?

6. Напишите рассказы под следующими названиями: «Аккумулятор», «Аппендицит», «Бацилла», «Интеллигенция», «Дощатая терраса», «Утлый челн», «Жженный кофе».

7. Напишите автобиографический рассказ с прилагательными на -ованный, -еванный в форме исповеди. Пусть форма подскажет содержание.
8. Проверьте взаимозаменяемость названий известных произведений. Как изменится главная идея романа «Дон Кихот», если его назвать «Тихий Дон»? Назовите эти романы по-своему. И хорошо бы, одним словом.

Вы готовы к написанию крупной литературной формы.

9. Напишите роман «Аврал» на производственную тему, положив в его основу библейское сказание об Аврааме и его потомстве. Для создания атмосферы крупного производства воспользуйтесь эпитетами, выписанными из романа «Война и мир».
10. Найдите в трагедии У. Шекспира «Гамлет» слова «жом», «жухлый», «жупан». Вы убедитесь в том, что мнение: «В этом произведении можно найти все!» — несправедливо. Как видите, и у гениев есть пробелы.
11. Вырежьте из полного собрания сочинений Гоголя портрет Николая Васильевича и вклейте свой. Стали ли после этого его произведения ближе и понятней вам?
12. Напишите две критические статьи на свой первый рассказ («Аккумулятор»). В первой используйте следующие слова и выражения: «низкопробный кич», «боготворчество», «пигмей», «жалкие потуги на...», «козявка». Во второй — следующие выражения и слова: «высокохудожественный клич», «новотворчество», «колосс», «дерзкое стремление в...», «орел».
13. Прочтите обе статьи вслух. Если вы выдержали это испытание критикой, выберите необидный для читателей псевдоним. Теперь вы — писатель.

Поздравляем!

ТИНЬ

(котико)

Самая большая роскошь — это роскошь человеческого общения.

А. Сент-Экзюпери

«Язык — явление социальное. Он возник в ходе развития общественного производства и является его необходимой стороной — средством координации деятельности людей» — я заканчиваю вторую главу своей диссертации. — Га-ми, — просит Митя. — Подожди, сейчас налью! Дай закончить!.. — «Этой координации детей следует обучать так же, как и координации движений. Следует всячески и всемерно пресекать тенденцию использования детьми инфантильного жаргона, каким бы удо...» — Га-ми, — настаивает тот, ради кого я уже больше года ломаю голову и язык. — Дай закончить! — «...бным не казался он детям и некоторым родителям, идущим на поводу у тех, кого они сами должны подвести к пониманию нашего основного богатства».

Я ставлю точку и долгим взглядом исследователя смотрю на плачущего сына. — Что ты хочешь, сынок? Скажи внятно и раздельно, как я тебя учил. — Га-ми! Га-ми — внятно и раздельно ревет Митя.

То, что «гами» продукт питания, я уверен, но какой? Ответить на этот вопрос может только специальный толковый словарь, составленный мною как приложение к диссертации. «Га-ми — колбаса». Так, все ясно. Я даю Мите кусок колбасы, и он бежит в коридор. — Ты куда? — кричу я. — Каба! — хохочет Митя в ответ. Каба...каба... Черт! Придется опять лезть в словарь. «Каба — собака», — с ужасом читаю я. — Митенька! Для Кабы я дал бы варенку! — Поздно, Каба съела Га-ми. В отчаянии продолжаю листать словарь. На букву К у меня есть еще одно слово — «КРАН». У него необычайно широкая семантика. Кран — это предмет, процесс, явление, состояние. Кран — прежде всего действительно кран, водопроводный и строительный. Кран — это работа непосредственно на кране и работа вообще. Я сам давно почувствовал, что моя диссертация — это Кран. Кран — значит, наша мама придет поздно. Кран — мои самые затаенные мысли, которые я не рискну излить... Есть в моем словаре и загадочное слово «ТИНЬ», которому я не нашел эквивалента. Митя произносит это слово редко, произносит во сне, улыбаясь...

Из состояния научной задумчивости меня выводит голос моего сына. Он действительно меня выводит! — Па-ти кар-кар! Кар-кар!

Кар-кар! — Вот это я уже знаю без словаря. Пошли гулять — вот что значит «Пати кар-кар».

Во дворе нас окружают Митины одногодки. Они ждут от меня сказки. Моя самая первая сказка была о коте — «Коти» и петухе — «Коко», отсюда название сказки — «Котико». Теперь так называется любая сказка. «Котико» — это наш нескончаемый дворовой эпос. — Жила была гами, которая любила кабу, тьфу, наоборот: жила-была каба, которая любила гами, и они очень любили пати кар-кар вдвоем, — дети слушают, затаив дыхание. Я, быть может, несу чепуху, но зато на их родном языке. С балкона двенадцатого этажа раздается пронзительный крик двухлетнего Коляна: — Динь-динь! динь-динь! Детей как ветром сдувает. «Динь-динь» — мой главный конкурент. Телевизор. «Динь-динь» — так дети называют любую передачу, и только «В гостях у сказки» именуется «Котико динь-динь».

Снова я склоняюсь над диссертацией. «Чистота речи ребенка во многом зависит от степени нормативности и адекватности многообразию ситуаций языка родителей» — точку в этом предложении ставит моя жена: — Какой же ты подлец! Неблагодарный подлец! Неужели нельзя было убрать на кухне?! Кто здесь насвинячил? — Ну как я могу ей объяснить, что каба не любит сало, а в гами его было много! — Боже, когда все это кончится? Я больше так не могу! Когда в доме будет мужик?! Продукты достаю я! В садик ребенка устраиваю я! Ремонтом машины, подаренной моим отцом, опять занимаюсь я! Почему тебе все безразлично? Почему ты не можешь найти с людьми общий язык? Только на меня умеешь орать! А-А-А-А-А!!! — нет, это ору не я, а Митя, вываливаясь из шкафа. Он хотел испугать маму. Что ж, ему это удалось. Наша мама падает на диван, а я не успеваю предупредить ее, что он еще не отремонтирован. — Бух-бух, — печально произносит Митя. Бух-бух — машинально делаю я новую запись в словаре. — Бух-бух! — стучит снизу сосед. — Бух-бух!! — захлопывается дверь за женой. БУХ-БУХ!!! — раскалывается надвое мир. Как трудно найти общий язык.

...общий язык... общий язык... Наверное, мы не можем понять друг друга потому, что современный язык так усложнен, оброс такими подтекстами, что мы постоянно ищем второй смысл, но верим тому, что слышим... Как хорошо было бы создать язык, понятный для всех — действительно общий язык. Но кто оценит мои усилия по созданию языка, в котором смысл перестанет быть дефицитом? Так, может, наоборот — разработать систему понятий, доступную только узкому кругу людей, с которыми необходимо переговорить, систему для общения с «нужными» людьми, по выражению моей жены...

Я застываю от неожиданной мысли. Да ведь есть такая система! Есть такой язык! Ай да Митька! Ай да мой сын!

Все дети равны, чего не скажешь об их родителях. Месяц я потратил на составление списка учебной группы, еще месяц на пропагандирование идеи необходимости общего языка в узком кругу посвященных и пять месяцев на ускоренное обучение этому языку. Настал день экзаменов. Мама веснушчатой Натахи — моя первая экзаменуемая. Место проведения экзамена — магазин «Продукты»

— Гами, — медленно и достаточно громко произношу я и даже подмигиваю своей ученице, чего как преподаватель я делать не должен, но могу себе это позволить как покупатель. Мама Натахи морщит лоб и старательно выговаривает на виду остолбеневшей очереди:

— Гами бай-бай. Бай-бай гами, ферштейн!

Так, понятно. Колбаса еще на базе. Придется подождать. С оценкой тоже.

Следующая точка — станция техобслуживания. Ее начальник — папа неунывающего крупнощекого Мишутки. Через головы толпящихся людей кричу: — Ту-ту вава! Ту-ту вава! — Экзаменуемый рубит открытым текстом: «Приезжай в субботу, сенсей. Все будет о'кей!»

При чем здесь «сенсей»? При чем здесь «о'кей»? Нужно было сказать просто: ма-кран та-та. Та-та — значит ехать, ма-кран — не рабочий день, суббота. Перезаменаовка — делаю я пометку в блокноте. А в субботу придется-таки подъехать.

Единственным на сегодняшний день человеком, владеющим нашим языком с той же легкостью, что и малыши, является мой шеф — Дмитрий Казимирович. Вот уж где и в самом деле прирожденный лингвист! К нему лучше звонить: — Ся, дока! — Ся, ся. Ба-ба, — слышу я в ответ бодрый баритон. Вот с кем я отведу душу. Но Дмитрий Казимирович сразу переходит к делу: — Аля-мулю, Ба-ба, аля-мулю. — Ко аля-мулю? — опешиваю я. — О-о-о! — с хорошо поставленным произношением отвечает шеф. Тут я не выдерживаю: А не много ли о-о-о?! Может, о и все, а? — Но шеф неумолим: — В самый раз, голубик, в самый раз аля-мулю. Ма-кран пати-кар-кар ресторан и там — аля-мулю. — Мы еще говорим о чем-то, но главное уже сказано. Еще год назад аля-мулю было бы мне не по силам, во всяком случае в материальном плане, но сейчас с такими учениками я горы могу своротить, мне любой кран по плечу!

— Папа, а знаешь почему снег белый? Потому что, если бы он был черным, его нельзя было бы назвать снегом, правда?...

Я молчу и с грустной гордостью смотрю на подросткового Митю. Он говорит чисто и правильно. Да... Дети повзрослели и забыли наш язык.

Теперь в городе его знают немногие, совсем немногие...

И кто теперь мне объяснит, что значит ТИНЬ? Тин-нь — тин-нь...

НОСОРОГ (новогодняя сказка)

—А что ты любишь?
—Кафку.
—Кашку?
—Нет, Кафку.
—Ах сказку!

(из беседы моего сына
с логопедом)

31 декабря кожи не стало. Теперь он был совершенно беззащитен. Его можно было брать голыми руками. Все жгло, ранило — слова, как будто впервые услышанные по радио, телефонные звонки, автомобильные рыки городских улиц. Даже мягкий спортивный костюм «Пума» причинял боль при движениях. Утром, по привычке включив телевизор, он тут же потерял сознание от нестерпимо яркого света.

Сейчас окна были зашторены, все, что возможно было отключить, — отключено. Нельзя было отключить только боль — боль, вызванную полным отсутствием кожи. Не помогла даже комфортная ванна с дистанционно регулируемой температурой воды и шампанского, не помогли антидепрессивные швейцарские таблетки, которые он обязательно принимал перед каждой встречей с Роксаной. Она уже звонила, звонила дважды, наверно, чтобы договориться о встрече Нового года. Но от одной мысли, что к нему могут прикоснуться, прижаться, могут погладить, облобызать, его бросало в озноб. Сегодня они всем стадом должны были подвалить к Лева, насытиться рыбой и мясом, вволю нахлестаться «Мартеля» и «Пепси», а потом сшибиться в задорном мордобое, где ему — Носорогу — не было бы равных.

Но сейчас он раним и беспомощен, как младенец, беспомощен и уродлив.

Он, которого иначе, чем «красюк», не называла ни одна из самых породистых самок. Носорог распластался на ковре и зарыдал.

Особенно обидно было от того, что полгорода — полгорода! — ходило сейчас в его коже.

Мастерская «Кожгалантерея», известная всем как фирма «Белый носорог», процветала. Работала она полностью на внутренних резервах. Были охотники узнать, откуда берется материал — из Прибалтики ли, из Средней Азии, а может, из самой Африки? — но узнать так ничего и не смогли. Носорог встречал охотников немигающим

безразличным взглядом, еще ниже опустив тяжелую голову, сгорбив широченную спину.

Кто мог подумать, что кожу он сдирает с себя, что она его родная, а никакая не левая?!

То, что у него необычная кожа, он заметил в Сочи двенадцать лет назад, когда обгорел на пляже. Кожа сползала ровными полосками и поразила его добротностью и приятным дубленочным цветом. Еще не понимая своего счастья, он сшил три дамские сумки, которые у него отхватили чуть ли не с руками. После столь удачного дебюта он всерьез стал ухаживать за своим кожным покровом. В этом ему помогли лучшие массажисты города, консультанты-дерматологи, ночные и дневные кремы, лосьоны, сауны и суперультрафиолетовые лампы. Кожа стала эластичной и бархатной, как сезоны осеннего Причерноморья. С каждым годом расширялся ассортимент изделий: были тут и сапожки, и перчатки, и футляры для очков, и бононожки, и портфели, и даже пиджаки и плащи.

Шкурный вопрос стал основным вопросом бытия Носорога. Кожа обладала потрясающей способностью к быстрой регенерации: она не убывала! Благодаря ей исполнялись самые бешеные желания ее хозяина. «Белый носорог» принес все, что мог дать своему избранному обитателю современный город. Последним, что он принес, была Роксана — двадцатичетырехлетняя красавица с густыми непролазными волосами, которые пахли джунглями, и с таким же дремучим интеллектом. Носорог был счастлив. Каждый год независимо от японского календаря был годом Носорога. Не могло случиться ничего непредвиденного — все предвиделось и легко предсказывалось, как в самом надежном гороскопе.

Казалось, сытной привольной жизни не будет предела...

В конце года началась привычная запарка. Носорог зашивался, но это было ему не впервой. И тут появилась эта богатая мартышка с ее сумасбродным заказом — сшить палатку для новогодней вылазки в хвойном лесу. Еще пару месяцев назад Носорог просто расхотался бы ей в мордашку: — Хватит тебе и твоей торговой палатки, сиди и не вылазь! — Но замаячил впереди близко-близко — только руку протяни — заветный лимон, замаячила, как на дисплее калькулятора, шестизначная цифра; и достичь ее хотелось в этом году! «Из кожи вон вылезу, а свое возьму!» — поклялся Носорог и впервые снял всю кожу, ободрал себя, как липку...

После бессонной ночи не появилось ни одного квадратного сантиметра новой кожи. Теперь он был совершенно беззащитен. Двигаться было невозможно, но и бездействовать тоже! Надо ехать, надо ехать! К врачам-дерматологам, этим проклятым бородавочникам!

К профессору с свиной головой, который год назад так удачно разгладил ему складки на пояснице, — в конце концов, делают же пересадку кожи, надо только найти донора! Черт возьми, полгорода в его коже, должен же кто-то быть человеком!!

Носорог выскочил на улицу, на жгучий мороз, и рванул к своему «шестисотому» — поскользнулся — и с треском вломился в сияющий оскал радиатора... Очнулся, стоя уже на четвереньках. Глаза залепил розовый снег. Несмотря на бьющий сверху антифриз было невыносимо жарко... Охваченный злобным инстинктом, он прорычал: — У, сука! — и боднул ненавистную машину, которая преследовала его, качаясь в солнечно-ясной саванне. — Гляди, что делает?! Давай сюда фоторужье! Во зверь! Во гуляет! — слышались дикие голоса и улюлюканье. С еще большим остервенением Носорог кинулся на мчащийся «мерседес». — Четыре! Пять! Шесть! Семь! — доносились до него восхищенные выкрики. Удар следовал за ударом, один сокрушительней другого. При вопле: — Двенадцать!! — «мерс» отъехал, а Носорог замертво упал на заснеженную саванну, тяжело и устало улыбаясь. Послышался выстрел, потом шипение и тонкий хрустальный звон; чей-то высокий небесный голос вымолвил как пропел: — С Новым годом, родной! — По коже Носорога побежали влюбленные мурашки. По коже?..

КОММЕНТАТОР

В жизни Потапа Зуева было две страсти: сон и телевидение. Что предпочесть, он не знал. Да это было и не нужно, так как два этих явления были странно связаны в его сознании. Он включал телевизор — и сразу засыпал, спал — и смотрел телевизор. Он плохо спал, когда не работал телевизор, а когда не спал — плохо работал.

Вот так он и жил. Жил сегодняшним днем, и, наверное, поэтому его любимой передачей была передача «Сегодня в мире». — Это меня муха Цэ-Тэ укусила, — объяснял он себе, устраиваясь на диване. В тот день он уснул под извержение вулкана Этна. Раскаленная лава уже дилась на диван, но Зуева не обжигала. Все же он откинул плед, прокомментировал: — Жарковато.

Все шло своим чередом. Вот-вот должен был появиться стол с привычным стаканом холодного чая, недопитого вчерашним обзревателем...

Но когда действительно появился стол, Зуев с ужасом увидел, что тот весь уставлен стаканами с чаем и нет места для беспроводного телефона, а главное, — куда-то пропал текст. — Вы в эфире, — раздался голос сверху. И Зуев «поплыл»:

— Добрый вечер, товарищи! Сейчас на Западе готовятся к встрече Рождества, одного из самых веселых религиозных праздников. Но будет ли веселым оно в этом году? Что несет в своем мешке Санта-Клаус миллионам американцев, французов, англичан и... — Зуев поспешил с «и» и ему пришлось добавить: — и лосанджелесцев? А несет им в подарок американский Дед Мороз угрозу войны — раз, и ракеты среднего радиуса действия с разделяющимися боеголовками — два. Вот, собственно, и все об основных событиях в мире.

Но говорить еще надо было ой-ой-ой сколько, и Зуев «поплыл» дальше:

— Теперь приступим к главной теме нашей передачи. В прошлый раз мы предлагали вам задавать нам любые вопросы, на которые мы будем давать любые ответы. Что ж, в наш адрес поступило большое количество писем. Очень много вопросов еще не дошло до нас. Зачитаю некоторые из них. К сожалению, не могу зачитать все — большую часть я потерял. Вот передо мной письмо из города Лосево от прапорщика Дробота. Он пишет: «Недавно прочел большую газетную статью о проблемах третьего мира, но ничего не понял. Мне осталось неясным, что же такое третий мир. Если можно, доведите — отставить! — расскажите, пожалуйста. Прапорщик Доброт вопрос закончил».

Зуев отвечал с ходу, без самоподготовки:

— Третий мир — это не наше название, т.е. не мы им называем и не нас им называют. Третий мир включает те страны, которые еще не разобрались, по какому пути они пойдут. Вот такие страны, которые не разобрались, мы называем «разбирающимися». Мы так и говорим: «разбирающиеся страны». Комментатор Зуев ответ окончил.

Закопив, Зуев взял один из стаканов, по-военному — залпом — осушил его и бросил за плечо. Но передача продолжалась.

— А вот пишет нам Перцева Нина, домохозяйка, из города Приморска Республики Тува: «Недавно на обложке журнала «Крокодил» увидела интересное слово — ООН. Означает ли это слово что-либо конкретное или это просто сокращение, и если это сокращение, то что оно сокращает?».

Вопрос был трудный, и, наверное, поэтому Зуев так легко на него ответил:

— Да, это сокращение. Более того, это аббревиатура, составленная из заглавных букв латинского алфавита трех английских слов: Юнайтед Нейшнз Органайзэйшн. Юнайтед — О, Нэйшнз — О, Органайзэйшн — Н. Получаем — ООН!

И тут эфир понес Зуева дальше:

— Многие телезрители интересуются, существует ли на самом деле филиппинский феномен, правда ли все то, что рассказывают о чудо-целителях из города Манилы? Товарищи, двух мнений здесь быть не может: конечно же неправда! Более того, в последнем выпуске «Литгазеты» помещена интересная статья, в которой крупный иллюзионист А.Акопян, пользуясь последними научными данными, ставит под сомнение существование самих Филиппин. Оказывается, отклонения электромагнитных аномалий в этом участке Атлантического океана со всей достоверностью указывают на то, что в этом месте должна быть огромная впадина в морском дне. Так что, по-видимому, манильские врачи — это не более чем досужие домыслы господ Маниловых с Уолл-стрит.

Зуева продолжало нести:

— Следующее письмо от товарища Шалашникова из Подмоскovie: «Ув. передача, недавно по телевизору диктор сказал вместо «Сегодня в мире» — «Сегодня в тире». Ошибка ли это, или «Сегодня в тире» будет впредь постоянным названием передачи?».

Зуев уже не думал:

— Не думаю. Не думаю, чтобы «Сегодня в мире» переименовали в «Сегодня в тире». Полагаю, что передача и впредь будет называться по-прежнему, т.е. «Сегодня...» — тут Зуев понял, что уже не помнит,

как называется его передача и, уверенно глядя в камеру, брякнул: — Сегодня, и завтра, и послезавтра — всегда передача будет называться по-Брежневу, то есть по-прежнему... Ну, и наконец отвечаем пенсионеру Танкину из Эмска. Он просит выслать ему фотографию Пентагона. Что ж, с удовольствием выполняем эту просьбу и высылаем фотокарточку.

Зуев почувствовал, что заикнулся:

— И еще раз, наконец, письмо от товарища Гамаюнова из глухого района... района действия мощного антициклона. Он пишет: «В одной из бесед вы употребили слово «аббревиатура». Хотелось бы узнать, что это за слово? Означает ли оно что-нибудь конкретное или это просто сокращение?».

Загорелась красная лампочка, и Зуев понял, что ответить он не успеет. Пи-пи-пи-пи! Как ярко горит этот свет! Зуев открывает глаза и читает:

— НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕВИЗОР!

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В понедельник старший инспектор Алексей Желобов купил себе пишущую машинку. Отступить было некуда, да и некогда — все-таки 35. Теперь он непременно должен был стать писателем. Писательство заняло в нем давно. Но по-настоящему изводить стало, когда 17-летним пареньком приехал он в город. К городу Желобов привыкал тяжело, как к шинели. Город навалился на него внезапно, грубо. Навалился злыми очередями, общественным транспортом, дурным грохотом, грязными подъездами, уголовным элементом. Старые названия пропадали вместе с привычными понятиями. Зато большим стадом росли новые слова: коммунальная квартира, ЖЭУ, ориентировка, санкция, профилактика правонарушений, административный надзор. И, верно, это те старые, родные слова, как земля, упрятанная под асфальт, рвались наружу, а может, просто хотелось Алексею найти себе друга-собеседника и, не спеша, рассказать ему «за жисть», о которой узнал он немало за эти годы, ох, как немало! Теперь, когда решение было принято, и машинка стояла на самом видном месте посреди комнаты, Желобов почувствовал облегчение. Не будет он больше маяться по ночам, бестолково ходить по кухне, хлестать воду из чайника, заливая майку, или, открыв окно, тяжело дышать на черный, сонный город. Не будет больше срываться на вокзал и, чуя радостную тревогу, смотреть на живые поезда. Облегчение было, но был и страх: а сможет ли вытянуть все то, что жгло, сосало, корежило его изнутри? Желобов склонился над машинкой, набрал воздуху и ударил указательным пальцем в букву П. Ударил резко и коротко — так, как учил его инструктор по карате капитан Телечкин. В машинке что-то луснуло. Последовала серия ударов, и на белом листке возникло: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. Еще не решив, о чем писать, как бы принаравливаясь к машинке, Желобов начал печатать представление, поступившее в его райотдел из товарищеского суда при ЖЭУ-2:

«В товарищеский суд поступило заявление гр. Садько М.А., проживающей по ул. Митько, 10, кв.18, в котором она излагает жалобу на свою соседку по квартире Болотникову Аллу Ивановну. Гр. Болотникова А.И. /в замужестве Нандала Радафиндрабе/ нигде не работает, ведет аморальный образ жизни, грубо нарушает правила общежития. До замужества ее посещали посторонние мужчины, вместе с ней устраивали пьянки, бегали по квартире голыми, лишая покоя гр. Садько М.А. — 80-летнюю пенсионерку.

Гр. Болотникова не платит 2 с лишним года за электроэнергию, имея не только световые точки, но и другие электронагревательные приборы: холодильник, телевизор, магнитофон, утюг и т.д. За все это платит гр. Садько, так как электросчетчик записан на ее имя. 17 февраля, ночью в 2 часа 40 мин. гр. Болотникова стала бить посуду о двери гр. Садько, в результате чего двери были разбиты. Разбивая двери гр. Садько, гр. Болотникова кричала, что отрубит ей голову. Сбежались люди и вызвали «скорую помощь» и милицию. При появлении последней Болотникова А.И. умело стимулировала обморок, и объяснение не состоялось.

11 марта после бесплодного ожидания гр. Болотниковой на товарищеский суд члены суда пошли на квартиру к гр. Болотниковой, чтобы побеседовать с нею. Услышав о приходе, она минут 12 /двенадцать/ осыпала членов суда бранью, недоступной самым отъявленным хулиганам, затем схватила швабру и стала наносить удары, смягчению которых помогла зимняя одежда и открытая дверь в подъезд. Проходивший мимо участковый инспектор Желобов А.Д. уговорил Болотникову открыть дверь, пытался с нею беседовать, но она ему заявила, что, если она пожалуется Браздюку /лицо в городе неизвестное/, а потом напишет в столицу, то «с него погону ветром сдует». Считаю, что подобные действия являются следствием попустительства вышестоящих организаций, не желающих обезвредить гр. Болотникову, погрязшую в моральном разложении, не признающую законов.

Требуем принятия незамедлительных бюрократическим аппаратом мер, ибо последствия могут превзойти все доступное человеческому воображению».

Желобов уже было собрался напечатать фамилии членов товарищеского суда, но вдруг задумался и медленно стал прокручивать валик назад. Под словом ПРЕДСТАВЛЕНИЕ он напечатал в скобках /РАССКАЗ/ и захохотал:

— Да тут только фамилии изменить и всё! И всё! И всё! И всё!

Алексей выскочил на кухню, схватил чайник с плиты и стал жадно пить из носика, заливая майку. Потом рывком открыл окно и вдохнул морозный воздух белого, просыпающегося города. Шел снег...

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Я не знаю, когда это началось, вернее, не могу вспомнить, скорее всего, в детстве, когда я с пером в голове, с лицом, разрисованным маминой помадой, с дрожью в коленях спросил голосом неустрашимого вождя племени сиу у пацанов, прибежавших отколотить меня: — Что вы, бледнолицые, уставились, как бизоны на траву? — И они, поверив мне, побоялись поднять руку на краснокожего А может, это началось, когда я изображал печоринское равнодушие и неспособность любить, и Нина, самая красивая девушка в нашем классе, мне тоже поверила и, потеряв надежду, ушла целоваться на выпускном вечере с Витькой по кличке Пылесос, который никогда ничего не изображал. А вообще, в школе меня считали очень способным: дали аттестат с одной четверкой, третий разряд токаря и характеристику, прочтя которую, можно было поверить в существование, если не бога, то полубога.

Короче, я не знаю, когда это началось, но это продолжается: я постоянно играю. Играю самым дорогим, что может быть у человека, — играю своей жизнью. Собственно, их у меня несколько, и я не знаю, где моя. Иногда я спрашиваю себя: неужели это происходит со мной? И тут же сам себе отвечаю: — Да не может быть! — и успокаиваюсь, играя роль человека, исповедующего переселение душ и, значит, возможность другой — подлинной жизни через, скажем, 70 лет, когда меня вновь родят, но уже где-то в Ярославле, хотя сам я в эту чушь не верю!

Однажды я попытался остаться наедине с самим собой — и почувствовал странную неловкость, которая обычно появляется в купе, когда нужно завязать беседу с совершенно незнакомым человеком. Попытка эта, кажется, закончилась тем, что я предложил сам себе покурить, а потом долго жаловался на погоду. Именно тогда я понял: главное не останавливаться, браться за все роли, которые предлагают время, обстоятельства, место, факты, события, люди, тем более, что последним моя исполнительская манера и исполнительность очень нравятся.

На работе я изображаю человека не на своем месте: инициативного, но в пределах, обозначенных окладом, с деловой хваткой, но без настоящего дела, способного в нужный момент отстоять свою точку зрения, но старающегося не допустить такого момента. То, что я не на своем месте и мое место где-то там, чувствуют все. Именно это «где-то там» дает мне возможность, устало и многозначительно глядя в глаза начальника, сказать:

— У меня сегодня будет очень непростой день, Вениамин Георгиевич, я не смогу быть на собрании. Если дело дойдет до голосования, я по домашнему телефону.

И Вениамин Георгиевич медленно кивает головой, давая мне понять, что и сам понимает, что моя деятельность не ограничивается рамками его конторы.

И все же, иногда, когда телефонный звонок застает меня в ванне, и я бегу, оставляя пенные следы на полу, меня охватывает необъяснимый страх: мне кажется, железный, не родной голос спросит: — Ваш номер та-та-та та-та-та-та? — Да, — отвечаю я упавшим голосом, которому уже не подняться. — Ваша фамилия та-та? — Да, — подумав я шепотом, и та-та-та-та-та-та-та та-та-та!!! — последует разоблачение, короткое, как автоматная очередь, меня ослепят фарами и фотовспышками, оглушат сиренами и вопросом, который я боюсь себе даже представить. И тогда все! Останется только надежда на Ярославль. Слабая, как речь моего адвоката.

Откуда эти дикие фантазии? Может, во мне до сих пор живет тот мальчишка с воспаленными глазами от ночного чтения с фонариком под одеялом, мальчишка, опущенный волею судьбы в шестиэтажный колодец городского двора, который чувствовал себя разведчиком, работающим на... да черт его знает на кого! — наверное, на то же племя сиу.

Почему меня не покидает это чувство и теперь, когда ослабли родоплеменные связи?! Кто я в самом деле? На кого можно работать с такой зарплатой?

После таких вопросов хочется совершить побег из военно-приключенческого жанра в народное творчество и отвести там душу. Придя с работы, я изображаю перед женой Иванушку-дурочка, ведрящего в молочные реки и кисельные берега, эдакого Емелю, видящего в ней щуку, способную выполнить любое желание. Но и в этой сказке мне чудится плохой конец: вот-вот в квартиру ввалится огромный, настоящий, косопалый Миша и грозно проревет: — Кто ел из моей тарелки?! — Вот все-таки живет во мне эта детская вера в справедливое наказание и страх перед ним.

Но и сейчас, горько раскаиваясь, как раз в эту минуту просветления, я начинаю играть великого русского писателя накануне создания мучительной исповеди, которая потрясет умы и души современников, причем, меня не смущает то, что в современниках я числю — по совершенно непонятным мне причинам — только передовую интеллигенцию XIX столетия. Роль меня увлекает — я достаю блокнот и начинаю писать сразу с середины, как будто наброски первого тома уже готовы: «Я не знаю, когда это началось, вернее, не могу вспомнить, скорее всего, в детстве...» — тут я резко захоплю блокнот: Господи, да кто это напечатает?! Здоровых людей это интересовать не может! И вот я уже серьезно оцупываю идею

опубликования моей истории в одном из узкоспециальных медицинских журналов, лучше всего зарубежном, и снова достаю блокнот: «Затем больной потребовал, чтобы в палату внесли еще одну кровать, жалуясь на раздвоение личности, а через день потребовал третью, в конце месяца больного пришлось выписать ввиду отсутствия в клинике необходимого ему количества койкомест...»

В конце аллеи появляется Вениамин Георгиевич — я вырываю листок из блокнота и начинаю судорожно пережевывать только что записанные мной мысли. Продолжается будничная разведдеятельность.

— Осматриваем место для будущего объекта? — мягко спрашивает Вениамин Георгиевич. — Да-а-а, — осторожно протягиваю я, — рекогносцировка, ха-ха ха! — Я изображаю усталый, нехороший смех. — Вы извините, но меня комиссия представителей заказчика ждет, — указываю я в сторону группы людей, размахивающих руками, горячо обсуждающих какую-то проблему. Но «хвост» сбросить не удастся — Вениамин Георгиевич увязывается за мной. Не спеша, мы подходим к «комиссии».

— Да там метров 40 было! — Бери все 50! Чего было вытаскиваться?! — Сейчас коллективно все решать надо! — А красоту похерим, да?! — Красота? Для красоты техника нужна! — Да сначала пусть стенку научатся ставить! Обычную стенку! А то ведь до ворот доходим — и все!

Я чувствую, что пора вмешаться, и, перекрывая разноголосицу, кричу:

— Товарищи!!! — толпа обескураженно оглядывает меня и моего шефа. У меня одна, максимум две секунды. — Коллеги! Главное, чтобы все было функционально! К вопросу ворот мы вернемся чуть позже! — Я беру Вениамина Георгиевича под локоть и стремительно выношу его из толпы, пока ни он, ни она еще не опомнились: — С этими воротами просто беда! Мы не можем себе позволить такой роскоши — двое ворот. Верно?

Шеф согласно кивает, кажется, он не понял, что побывал на местной «брехаловке» — сборище футбольных болельщиков.

Сзади раздается возглас: — Во психи! — который мне удается перекрыть, рывкнув прямо в ухо Вениамину Георгиевичу: — Редко когда заказчик так заботится о красоте! — Тут я поддеваю носком каштан, похожий на новенький кожаный мяч, как бы приглашая шефа принять участие в импровизированном мини-футболе. Так, пасуясь накоротке, мы достигаем выхода из парка. Увлечшись игрой, я чуть не сбиваю с ног малыша. Ткнувшись мне в колени, он растерянно поднимает голову и шепчет: — Папа! — Я треплю его светлые волосы и, не раздумывая, беру на себя неожиданный груз забот:

— Сынок, погуляй еще немножко, видишь, мне нужно с дядей поговорить.

— Я и не знал, что у вас есть сын. А как зовут малыша? — вступает в разговор Вениамин Георгиевич.

Шеф есть шеф, все ему нужно знать! Страшно улыбаясь, я обращаюсь к «сынишке»:

— А ну громко скажем дяде, как нас зовут!

— Виниту! — отчаянно кричит малыш и пускается наутек.

— Видите, почти, как вас, — поворачиваюсь я к шефу, — ну, а отчество и фамилия, я думаю, вам известны.

Вениамин Георгиевич смотрит куда-то поверх моей головы и задумчиво произносит:

— Мы так долго работаем вместе и так мало знаем друг о друге. Я и подумать не мог, что у вас такая красивая жена.

Я оборачиваюсь и цепенею: мой «сын» держит за руку красивую молодую женщину.

Только мой шеф с его катастрофической памятью на лица мог не узнать ее: это же ведущая программы «Советы молодым хозяйкам». Она идет прямо на нас, явно не узнавая меня. Я делаю смелый шаг назад, чтобы уступить ей дорогу, и произношу:

— Зайчонок!

Жена-звезда смотрит на меня так, как не смотрела еще ни одна женщина, так, будто бы я ворвался к ней в ее заповедную передачу через экран своего домашнего телевизора. Я не даю ей возможности блеснуть безукоризненной дикцией.

— Зайчонок, — повторяю, я закрепляя реакцию, — к сожалению, мы не сможем сегодня поужинать, у меня дела, но твои пироги с ондатрой — просто прелесть, и этот мех тебе очень к лицу.

Я не жду ответа. Удивительно, я был совершенно искренен, мне действительно жаль, что мы сегодня не сможем поужинать вместе... А завтра позавтракать. Я попытался бы ее поцеловать, но это то же, что целовать холодный экран выключенного телевизора. Я снова беру под руку с трудом передвигающегося Вениамина Георгиевича, по-моему, на сегодня ему хватит знакомства с «комиссией» и моей «крепкой семьей».

Теперь мы молчим. Не глядя друг на друга, идем к троллейбусной остановке, впредссывая в мокрый асфальт потерявшие естественный осенний цвет листья. Подкатывает троллейбус. Я не успеваю заметить его номер. Вениамин Георгиевич достает очки, забегает вперед троллейбуса, смотрит в его стеклянную морду, поворачивается ко мне:

— Мне пора. Это мой... Да, я совсем забыл вам сказать, Дмитрий Павлович! Сегодня был неожиданный звонок из Ярославля. Спрашивали, когда вы у них будете.

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ

Представляю, читатель, как вы зевнули, натолкнувшись на это название. Но не торопитесь отложить мое сочинение, а прочтите вдумчиво, не спеша, как новый кроссворд, ибо труд этот уникален. Это все, что уцелело после переездов, пожаров, разводов, скитаний, командировок и рыбалок от действительного конспекта, написанного мной 15 лет назад на лекциях профессора Недокучаева, читавшего курс «Введение в русскую психосоциалингвистику». Вам это имя, вероятно, ничего не говорит, а мы в свое время буквально заболели докторской диссертацией Недокучаева «Частотность употребления частицы «бы» в сфере бытового обслуживания», внесшей смятение в стройные ряды покупателей и ученых.

Я был единственным студентом, конспектировавшим бесподобные, лавинообразные лекции этого незаурядного человека. Собственно, я был единственным, кто посещал его лекции. Остальные студенты игнорировали профессора, как, впрочем, игнорировали и других преподавателей. Такое было время. Студенческое.

Обыкновенно я садился строго по центру аудитории, представлявшей собой просторную полусферу. Садиться можно было где угодно — все равно профессор читал лекции, глядя в окно. В пустой аудитории гордо и свободно парили его независимые мысли...

Лекция № 3.

Иногда вздрагиваешь (согласитесь, не каждый начнет так лекцию): почему мы настоящее сделали прошедшим? Не успел я подойти к прилавку, а симпатичная продавщица уже спрашивает: — Что вы хотели? — Почему хотел? Я еще хочу. А если этого сегодня нет, я буду хотеть и завтра. Этим «что вы хотели» меня сразу отбрасывают в прошлое, отказывают в настоящем. Я попытался воспринять этот вопрос непосредственно, как ребенок, и стал подробно излагать коммуниканту, чего я хотел, начиная с детской мечты достать телескоп, чтобы поближе разглядеть небесные тела моих одноклассниц (мне помнится: голос профессора здесь дрогнул)... — Это вам не «Культтовары», а «Продукты питания», — резко оборвала меня уже не симпатичная продавщица. Чтобы проэкспериментировать еще раз с этой речевой формулой, я зашел в «Культтовары». И там с порога меня встречают тем же вопросом: — Что вы хотели? — С ходу отвечаю: — А что вы продавали? — Телескопы, — плоско шутит пухлая продавщица в модных тяжелых очках, прерывая диалогическое общение...

Конспект № 7.

Вот ведь какая штука язык! (Я думаю, вы уже привыкли к эксцентрическим началам недокучаевских лекций.) Вообще-то мы его знаем, объясниться кое-как можем: имя там, фамилия, откуда родом... родом, падежом, числом владеем, то бишь определенная языковая компетенция имеется. Говорить нас научили неплохо. А делать? Вот вывод из всего сказанного я сделать не могу (тут профессор кричит на всю аудиторию): сказать могу — ВЫВОД!! А сделать не в силах. Вот вы все (Недокучаев указывает перстом на спящих за окном людей) скажете: — Это бред — но сделать со мной ничего не сможете! Так о чем речь?... Да, действительно, о чем наша не совсем прямая речь? Да обо всем, что меня, вас, нас, тебя, их, его, ее окружает, окружает (слово было повторено профессором 73 раза). Вы могли заметить, что моя речь неподготовлена. Это не удивительно. Как она может быть подготовлена, когда не готов сам язык для того, чтобы отразить — но не дать отпор! — поток моего сознания, определяемый потоком общественного бытия!..

Конспект № 11.

Мы часто говорим: что вы хотите этим сказать? Еще чаще: что вы хотите этим сказать? А хотим ли? Хотим ли, а? Али хотим чего другого? Хотим — не хотим, а говорим. Говорим не думая, хотя, если задуматься, так нельзя говорить, ибо язык и сознание — суть неразрывная. Я думаю — вы меня понимаете... Однажды мне сказали: — По-человечески мы вас понимаем, чисто по-человечески понимаем, но не забывайте, где мы с вами находимся, а по-человечески мы вас очень хорошо понимаем, но поймите и вы нас. Я их понимаю. Вот мы и вернулись опять к нашим баранам — понимаем мы друг друга, вроде бы, по-человечески, потому что, вроде бы, по-человечески говорим, а делаем?..

Лекция № 199.

(Это была моя самая любимая лекция, самая моя.)

Мне часто задают вопрос: что отличает психа от лингвиста? В ответ я привожу случай из жизни, который стал отправной точкой в моей научной биографии. Еду я в трамвае и слышу: — От этих трамваев я с ума сойду, — всматриваюсь в лицо гражданки, произнесшей эту фразу, и вижу: сходить она и не думает. Тут я вежливо ей замечаю: — Если вы сами не сходите, дайте другим сойти. — И сошел...

Лекция № 234.

(Это была самая последняя лекция перед экзаменом. Профессор говорил коротко, сбивчиво, куда-то торопясь.)

Кто из вас может сказать (замечу, что в аудитории я был по-прежнему один), почему так несправедливо решен в языке вопрос при-

надлежности? Мы говорим «стакан чая», т.е. утверждаем, что стакан принадлежит чаю. И почему мы не можем сказать «чай стакана»?! Это невозможно, пока существует подчинение, склонение и наклонение. Я за сравнительное языкознание. Ведь все познается в сравнении. А у нас есть превосходная степень сравнений и такие качественные прилагательные. Почему же мы шипим? Мы, русские люди? Да потому что увлеклись согласными в ущерб гласным. Давайте объединим наши наречия, что станет действительным залогом совершенного вида будущего времени! Я не ставлю точки, хватит препинаться, необходимый знак поставит Время! (Недокучаев посмотрел на часы и стремительно вышел из аудитории.)

Экзамен не состоялся. Такое было время. Профессорско-преподавательское. Одни говорили, что Недокучаев уехал, другие — что он просто выехал, кто-то пустил слух, что профессор кому-то въехал, потом заехали ему, и он отъехал... А мне кажется, что Профессор Недокучаев вот-вот подъедет — и я буду сдавать экзамен. Мне нужна его оценка.

Я смотрю в окно, где отражается просторная полусфера, я и мой единственный студент. Смотрю и спрашиваю себя: — Что вы хотели, Профессор?

ЯБЛОКО С МЕДОМ

Яблоком с медом его угостила какая-то деревенская бабка. Давно... И свет был неясный — свеча, что ли, горела? Уже не вспомнить. Столько лет прошло. А слова запомнились: — Попробуй яблоко с медом. — Яблоко. Мед. Он уже знал тогда эти слова. И удивился, что их можно вот так просто соединить. И было это вкусно. И хотелось бежать на радостях, далеко-далеко бежать...

Бежать нужно было сразу в несколько мест: на работу, на вокзал, в издательство и еще в одно место. И можно было бы всюду успеть — ведь крутился же все эти годы! — если бы не вот это самое «одно место». Из-за него все рушилось, летело в тартарары! Постарел он, что ли? Нет! Просто рано или поздно такой день должен был наступить. И вот наступил.

А ведь успевал же всегда. Всегда! И позвонить, и слово вставить где надо, и встретиться и разминуться, и выпить и закусить, и перескочить с собрания на совещание — и все это с видом не какого-нибудь там попрыгунчика, а человека надежного и простого, как гвоздь. Поэтому и били его по шапке, по шляпке, и спешили повесить разнообразные планы, обязательства, отчеты, мероприятия... Он и сам порой удивлялся, как это он все на себе держит. А вот сегодня не знал, за что хвататься. Он кинулся к двери, остановился, открыл портфель, решил еще раз посмотреть бумаги, потом со злостью швырнул их на пол — и решительно направился к неумолкающему телефону: — Сейчас, сейчас, подожди! — Он с силой вырвал шнур из гнезда. В наступившей тишине телефон продолжал звенеть. — Это уже в мозгах, — отрешенно подумал он, но стал искать еще один шнур. И тут телефон заговорил далеким человеческим голосом старушки-соседки: — Откройте! Есть кто живой? — Я, я — живой! Живой! Живой! — крикнул он и рванул к двери. — Сынок, ты у меня холодильник не посмотришь, я в долгу не останусь. — Посмотрю, посмотрю, — сказал он. Сказал так, будто нашел главное дело всей жизни. Дверь решительно закрыл на три полных оборота — так, как если бы собирался уехать куда-то далеко-далеко...

Он сидит за чистым белым столом и не слушает, о чем не спеша рассказывает соседка. Он все это уже, наверное, вспомнил. По безоблачной мякоти яблока течет солнечно-светлый августовский мед. — Все хорошо, — думает он, — теперь все будет хорошо.

Итак, Слава Новиков уехал в Америку. Работать переводчиком-синхронистом.

Всякий раз, когда я слышал «ООН», я знал — это не просто ООН, это — ОН.

ОН, который, служа военным бортипереводчиком, находил меня повсюду — и в аэропорту Энтеббе в Уганде, и в авиаполку Ферганской дивизии ВДВ в Узбекистане. Значит, теперь была моя очередь находить его в Америке. Я, конечно, найду его. Позже.

ЗАКРЫТАЯ ТЕТРАДЬ

Самые первые стихи

Я был в девятом классе
и не верил в стихи, тем более, свои,
но любил наталкиваться
на строки в незнакомых книгах
в полужнакомых домах,
как на лица прохожих на улице.
Были такие!..
Хотелось оглянуться,
выучить наизусть.
Я мучился теми, которых
больше не видел.
Они исчезали из памяти.
Оставалось только воспоминание
о встрече...
А потом стали приходить
свои строки и лица.
Я тревожился: а может быть,
это те самые, забытые, НЕ МОИ?!
Боялся открывать книги

и выходить на улицу...